

Харальд Мюллер, Андреас Шмидт

МАЛОИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ ЯДЕРНОГО РАЗВОРОТА: ПОЧЕМУ ГОСУДАРСТВА ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ВОЕННЫХ ЯДЕРНЫХ ПРОГРАММ

Статья вторая из серии двух статей

В первой статье из данной серии¹ мы рассмотрели вопросы ядерного распространения и ядерного разворота. Теперь обратимся к причинам и предпосылкам решения государства об отказе от ядерного оружия.

ТЕОРИИ ЯДЕРНОГО ВОЗДЕРЖАНИЯ И РАЗВОРОТА

Экономические и технологические предпосылки

Согласно одной популярной гипотезе, к приобретению ядерного оружия страны может подталкивать само наличие у них соответствующего экономического и технологического потенциала². При рассмотрении гипотезы *экономических предпосылок* мы сначала определили минимальный уровень экономического развития, необходимый для начала оружейной ядерной деятельности. Определение это основывалось на уровне экономического развития наиболее слаборазвитой страны, которая начала такую деятельность. Затем мы для каждого временного отрезка вычислили количество государств, чья экономика вышла на требуемый минимальный уровень или его превзошла.

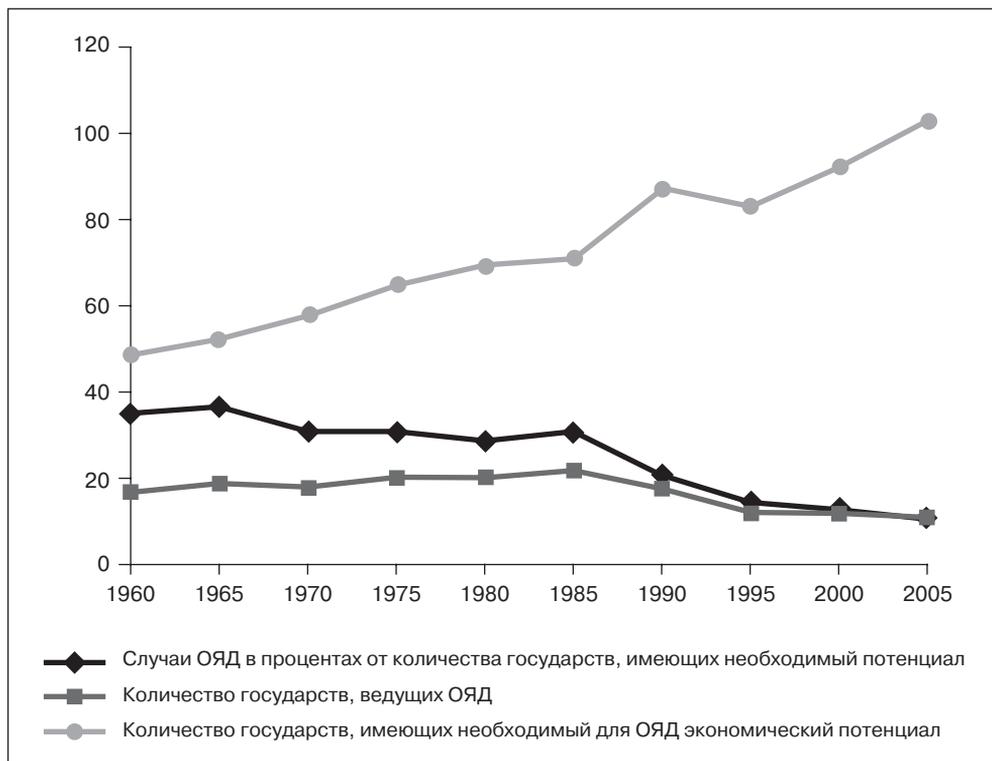
За основной показатель уровня экономического развития обычно принимается ВВП. Для того, чтобы иметь возможность сопоставить относительный размер ВВП разных стран в период с 1960 по 2005 г., мы использовали размер ВВП, выраженный в «международных долларах Геари-Хамиса 1990 г.»³ Мы определили, что минимальный необходимый для начала оружейной ядерной деятельности размер ВВП, выраженный в таких единицах, составляет 19,64 млрд долл., что соответствует уровню экономики Египта в 1951 г.

Такой показатель стал результатом двух исключений, которые мы сделали при анализе нашей экономической выборки. *Во-первых*, в течение длительного времени ВВП Израиля был намного ниже предполагаемого порога. Наименьший размер ВВП Израиля был зарегистрирован в 1951 г. (4,7 млрд долл.); к тому времени страна уже вложила весьма значительные ресурсы в разработку ядерного оружия. Такой низкий уровень ВВП подтверждает наш тезис о том, что экономические факторы не играют практически никакой роли в принятии решения о запуске оружейной ядерной деятельности. Гораздо более важен вопрос о том, есть ли у руководства страны политическая готовность вкладывать значительную долю государственных ресурсов в оборону, а не, к примеру, в социальные программы. Тем не менее, мы сочли, что показатель израильского ВВП на момент начала оружейной ядерной деятельности слишком резко выделяется из всех остальных значений выборки, и не стали его учитывать. За минимальный необходимый для запуска ОЯД уровень мы приняли следующее минимальное значение, то есть размер экономики Египта в 1951 г.

А
Н
А
Л
И
З

Рис. 1. Экономический потенциал и ОЯД, 1960–2005

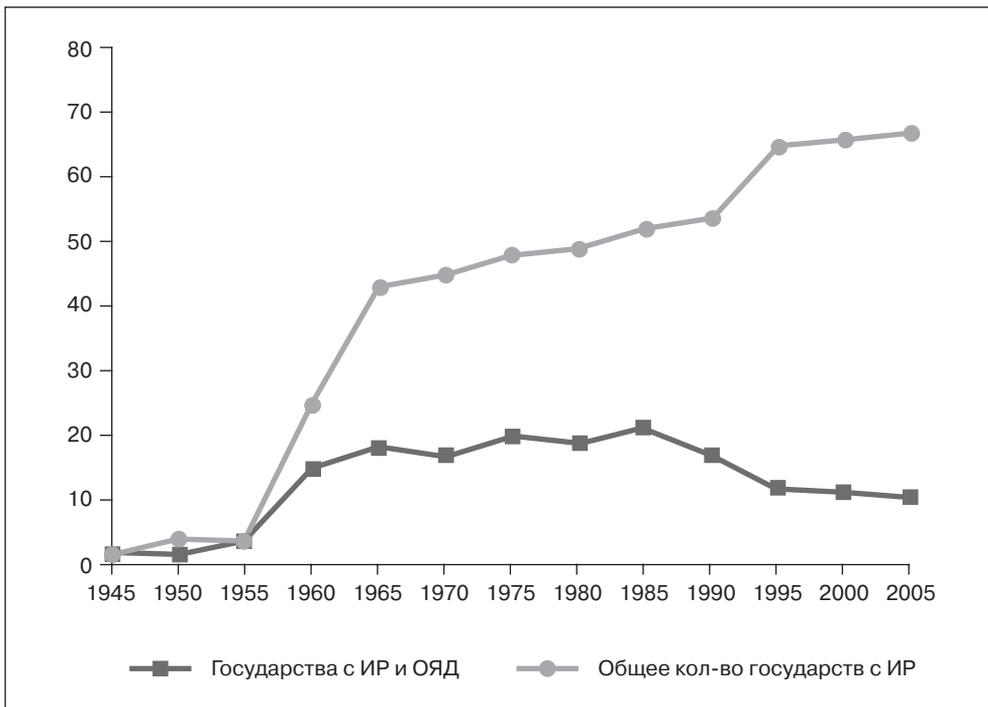
Во-вторых, мы сочли, что имеющиеся экономические показатели для Ливии недо-стоверны, поскольку размер ливийского ВВП оказался стабильно занижен. Эта оценка подтверждается такими источниками, как *CIA World Factbook* и ежегодными отчетами *World Military Expenditures and Arms Transfers (WMEAT)*, в которых ливийский ВВП всегда превышает египетский.

Поскольку данные по Маддисону доступны только по 2003 г. включительно, недостающие показатели мы взяли из базы данных *Total Economy Database*, которая тоже оценивает экономические показатели стран в «международных долларах Геари-Хамиса 1990 г.»⁴ Отсутствующие в этой базе данные по Афганистану, Северной Корее, Ливии и Непалу были взяты из источника *World Development Indicators* за 2007 г., который был опубликован Всемирным Банком. Поскольку для оценки уровня экономического развития мы использовали только порядковую шкалу, этих данных было вполне достаточно для целей исследования.

Полученные нами результаты отображены на рис. 1. Эти результаты подтверждают, что оружейную ядерную деятельность ведет лишь небольшое и продолжающее уменьшаться количество государств. При этом достижение соответствующего минимального уровня экономического развития не является достаточной причиной для запуска в стране такой деятельности. Более того, обнаруживается противоположная закономерность: чем плотнее страна приближается к необходимому минимальному уровню экономического развития, тем меньшую она демонстрирует склонность к запуску ОЯД.

Для проверки гипотезы, которая на первый план выводит не экономический, а технологический потенциал, мы сопоставили динамику распространения исследовательских реакторов с динамикой ведения ОЯД (см. рис. 2). Для каждого отрезка

Рис. 2. Количество исследовательских реакторов (ИР) и случаев ОЯД, 1945–2005

И
Л
А
А
Н

времени мы определяли, сколько государств, обладающих работающими исследовательскими реакторами, одновременно вели оружейную ядерную деятельность⁵.

Выяснилось, что на ранних этапах существовала тесная связь между оружейной ядерной деятельностью и обладанием исследовательскими реакторами — однако в настоящее время эта связь больше не просматривается. Количество государств, обладающих исследовательскими реакторами, растет, а количество стран, ведущих оружейную ядерную деятельность, наоборот, падает. Кроме того, *технологическая гипотеза* опровергается тем фактом, что большинство государств (21 из 37) начали оружейную ядерную деятельность *еще до того*, как приобрели свой первый исследовательский реактор. Более того, большинство государств (25 из 37) остановили оружейную ядерную деятельность *после* приобретения исследовательских реакторов⁶. Никаких доказательств в пользу *технологической гипотезы* мы не обнаружили.

Безопасность и гарантии

Существует целый ряд объяснений феномена ядерного воздержания, отводящих центральную роль соображениям безопасности. Самое популярное из них гласит, что наиболее важным фактором, который объясняет отказ неядерных государств от попыток приобрести ядерное оружие, являются гарантии безопасности со стороны союзников⁷.

Для проверки этой гипотезы мы сопоставили поведение американских союзников в Европе, Восточной и Юго-Восточной Азии и Тихоокеанском регионе с поведением стран в этих же регионах, не являющихся членами оборонных альянсов (см. табл. 1). Мы отобрали для анализа эти примеры в силу того, что все они

в общем смысле являются частью одного и того же конфликтного комплекса (холодной войны), и в силу этого можно предположить, что все они существовали в схожих условиях в плане внешней безопасности. Согласно *гипотезе альянсов*, среди стран, не являющихся членами оборонных союзов, должно быть намного больше государств, занимающихся оружейной ядерной деятельностью, чем среди союзников США. Принимая во внимание вышеупомянутую *экономическую гипотезу*, мы исключили из анализа страны, не имевшие экономической возможности заниматься оружейной ядерной деятельностью.

Выяснилось, что эмпирически *гипотеза альянсов* не подтверждается; прослеживается незначительная корреляция на уровне $p > 0,1$. Более того, обнаружилась определенная тенденция в обратном направлении: вероятность ведения оружейной ядерной деятельности была слегка выше для союзников США. Однако, как показывает критерий хи-квадрат и коэффициент фи, эта связь не является статистически значимой.

Таблица 1. Союзные отношения с США и ОЯД: Европа, Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, Тихоокеанский регион (двусторонние и многосторонние альянсы), с учетом наличия экономического потенциала для ведения ОЯД

Наличие союза	Ведение ОЯД		Всего
	Да	Нет	
Да	10	9	19
Нет	4	7	11
Всего	14	16	30

Значение хи-квадрат: 0,74 ($p > 0,1$)/коэффициент фи равен 0,16.

Высказывалось также мнение о том, что готовность союзников отказаться от попыток приобрести ядерное оружие зависит от *качества и надежности* ядерных гарантий безопасности. Анализируя союзнические отношения в Европе и Азии, мы определили следующие поворотные точки:

- ❑ Европа: От гарантий массированного ответного удара возмездия (безусловные ядерные гарантии, основанные на американском превосходстве) к гибкому реагированию (условные ядерные гарантии, в зависимости от причин войны и типа агрессии, а также от политики США в условиях неопределенности). Ослабление гарантий произошло после 1962 г.
- ❑ Азиатско-Тихоокеанский регион: Гуамская доктрина 1969 г.: ответственность за безопасность азиатских союзников лежит на самих союзниках, а роль гарантий США вторична. Ослабление гарантий произошло после 1969 г.

Выяснилось, что корреляции между надежностью гарантий и оружейной ядерной деятельностью не просматривается. Большинство из тех американских союзников, которые занимались оружейной ядерной деятельностью, начали такую деятельность еще до ослабления американских гарантий (9 из 10), что противоречит *гипотезе надежности гарантий*. Более того, со временем масштабы оружейной ядерной деятельности сокращались, несмотря на продолжающееся ослабление гарантий. Восемь из десяти союзников США, которые занимались такой деятельностью, отказались от нее уже после ослабления гарантий; исключениями являются Франция и Великобритания.

Мы не отрицаем, что гарантии безопасности со стороны союзников играют роль в принятии решений об отказе от ядерного оружия. Исследования отдельных примеров выявили слишком убедительные доказательства в пользу этой теории, что-

бы полностью ее отбросить. Однако вполне очевидно, что причинно-следственная связь здесь далеко не так прямолинейна, как это часто утверждается. Само по себе наличие союзнических отношений не является достаточным условием для отказа от ядерного оружия. Требуются определенные дополнительные факторы, в том числе неприятие оружейной ядерной программы внутренними политическими игроками, давление извне, соображения, связанные с международным законодательством, более благоприятная ситуация с безопасностью, и т. д.

Гипотеза подавляющего превосходства

Существует еще одна гипотеза в духе *реальной политики*, которую Энид Шеттл назвал *гипотезой подавляющего превосходства*. Суть ее заключается в том, что если ведущие мировые державы слишком сильны, то остальные страны не решаются на попытки приобрести ядерное оружие, опасаясь реакции сверхдержав⁸. Если же ведущие державы начинают разоружаться, то обладание небольшим ядерным арсеналом становится более полезным в практическом смысле, и стимулы к пролиферации возрастают. Накопление больших количеств оружия обычно происходит в периоды напряженности между супердержавами, а разоружение обычно связано с периодами *оттепели*. В своем исследовании мы использовали *политический климат* между супердержавами в качестве индикатора общего международного климата, который формирует определенные ожидания касательно будущего поведения и поэтому, вполне вероятно, влияет на долгосрочные стратегические решения, в том числе затрагивающие оружейную ядерную деятельность⁹.

Таблица 2. Периоды оттепели и обострения холодной войны

Международный климат	Динамика количества случаев ОЯД			Всего
	Рост	Стагнация	Падение	
Холодная война	4			4
Между холодной войной и потеплением	1	2	2	5
Потепление	1		2	3
Всего	6	2	4	12

Как показывает табл. 2, взаимосвязь если и существует, то, в лучшем случае, весьма поверхностная. В период холодной войны относительно большое количество стран приступило к оружейной ядерной деятельности. Однако в начале 1960-х гг., сразу после Карибского кризиса и подписания Договора об ограничении ядерных испытаний, ядерное распространение вступило в период относительной стагнации, который продолжался и в 1970-х гг. В период обострения холодной войны в начале 1980-х гг. эта тенденция ослабла. Однако с началом нового потепления рост количества случаев прекращения оружейной ядерной деятельности ускорился, при этом новых случаев такой деятельности больше не наблюдалось. Таким образом, вполне возможно, что взаимосвязь между периодами потепления/разоружения и ядерным распространением прямо противоположна той, которую предполагают сторонники гипотез в духе политического реализма.

Нормативная гипотеза

Исследователи, не являющиеся сторонниками гипотез политического реализма, часто утверждают, что феномен ядерного воздержания или *разворота* в значи-

тельной степени объясняется существующими международными нормами. С их точки зрения, решающую роль в динамике баланса распространения и нераспространения сыграл ДНЯО¹⁰. После 1960 г. произошло относительное сокращение количества государств, ведущих оружейную ядерную деятельность. После 1970 г. абсолютное число стран, ведущих такую деятельность, оставалось практически неизменным в течение десятилетия, а с 1985 г. это число начало быстро сокращаться.

Чем можно объяснить начало такого сокращения? В декабре 1961 г. Генеральная Ассамблея ООН единогласно одобрила так называемую Ирландскую резолюцию. На уровне международного законодательства это стало первым значительным проявлением международного неприятия дальнейшего распространения ядерного оружия. Возможно ли, что резолюция на самом деле имела значительные практические последствия? Чтобы глубже проанализировать данный вопрос, необходимо разделить государства на две группы: те, которые были независимы еще до 1960 г. (то есть до того, как началось лоббирование в пользу нового международного законодательства в области ядерного оружия), и те, которые приобрели свою независимость после 1960 г. (см. табл. 3).

Критерий хи-квадрат указывает на значимую взаимосвязь (на уровне $p < 0,001$) между датой основания государства и его склонностью к ведению оружейной ядерной деятельности. Коэффициент фи при этом составляет 0,39. Таким образом, можно предположить средней силы корреляцию между этими двумя переменными. Если принять во внимание экономический потенциал государства, картина в целом не изменится, как показывает табл. 4.

Таблица 3. Старые и новые государства и их оружейная ядерная деятельность

	Количество государств до 1960-х гг.	Количество государств после 1960-х гг.	Всего
Государства, ведущие ОЯД	33	1	34
Государства, не ведущие ОЯД	73	86	159
Всего	106	87	193

Значение хи-квадрат: 29,60 ($p < 0,001$)/Коэффициент фи: 0,39

Довольно многие из новых государств не располагали экономическими возможностями для начала ОЯД, однако достаточное количество такие возможности имело. При этом из числа располагавших такой возможностью доля приступивших к ОЯД значительно ниже, чем среди *старых* государств. Для государств, которые обрели независимость после Ирландской резолюции, безъядерный статус считался единственно приемлемым положением, необходимым для сохранения репутации уважаемого члена международного сообщества. Для *старых* государств новая норма вступала в противоречие со старыми установками о том, что государство имеет право вооружаться в соответствии со стандартами своего времени. Это предполагает (хотя и не доказывает), что обсуждение и утверждение на уровне международного законодательства этой новой, пусть и пока еще слабой, нормы повлияло на поведение новых независимых государств и сыграло свою роль в формировании их понимания безопасности. При этом для старых государств роль этой нормы оказалась не столь значительной; тем не менее, именно в этот период началась серия решений о прекращении ОЯД. Уже в 1968 г. была утверждена намного более значимая международная норма — ДНЯО, который вступил в силу в 1970 г.

Таблица 4. Новые и старые государства и их оружейная ядерная деятельность, с учетом наличия необходимого экономического потенциала

	Количество государств до 1960-х гг.	Количество государств после 1960-х гг.	Всего
Гос-ва с ОЯД	32	1	33
Гос-ва без ОЯД	48	22	70
Всего	80	23	103

Значение хи-квадрат: 10,43 ($p < 0,001$)/Коэффициент фи: 0,32

Наше понимание роли международных норм отличается от концепции Джо и Гарцке, которые предполагают, что эта роль усиливается по мере присоединения новых членов к ДНЯО. Данная концепция предполагает некоторую прямолинейную зависимость, которая не учитывает ключевого значения самого подписания ДНЯО и вступления его в силу в 1968–1970 гг. Эти два события радикально изменили международную нормативную среду. Поэтому более уместным было бы провести анализ на основании периодов до и после подписания и вступления в силу ДНЯО.

Показатели, приведенные в таблице 5, однозначно указывают на весьма значительную роль ДНЯО. До вступления Договора в силу 40% государств, обладавших необходимым экономическим потенциалом для начала оружейной ядерной деятельности, вели такую деятельность. Кроме того, в отсутствие мощной международной правовой базы в области нераспространения от своих ядерных оружейных программ отказались лишь очень немногие страны. После того, как нормативная среда изменилась с подписанием и вступлением в силу ДНЯО, ситуация стала выглядеть совсем по-другому. С начала 1970-х гг. ядерные оружейные программы были запущены в менее чем 15% государств, обладающих необходимым экономическим потенциалом. Более того, со времени введения международных норм в области нераспространения почти 70% государств, которые вели оружейную ядерную деятельность, от этой деятельности отказались. Подводя итоги, можно сказать, что Ирландская резолюция, вероятно, внесла определенный вклад в относительное замедление ядерного распространения. А вот с подписанием ДНЯО стало возможно говорить о депролиферации в абсолютных цифрах.

З
И
Л
А
Н
А

Таблица 5. Начало и прекращение ОЯД до и после вступления в силу ДНЯО, в процентах от общего кол-ва стран, имеющих необходимый экономический потенциал

	До ДНЯО	После ДНЯО
Начало ОЯД	41,80% (24 из 58)	15,66% (13 из 83)
Прекращение ОЯД	12,50% (3 из 24)	67,65% (23 из 34)

Теперь мы бы хотели перейти к вопросу о причинах резкого увеличения количества отказов от ОЯД во второй половине 1980-х гг. Новая политика, проводимая СССР, и последовавшее улучшение климата международных отношений наверняка сыграли свою роль — но в чем конкретно заключалась эта роль? Вместо того, чтобы пытаться обнаружить прямолинейную зависимость, более полезно было бы задаться вопросом о наиболее важном косвенном результа-

те, коим явилась смена внутренних политических систем во многих государствах. Для классификации политических режимов мы использовали наиболее хорошо себя зарекомендовавший массив данных *Polity IV*. Предполагается, что государства, в которых идет процесс демократизации, более склонны к соблюдению международных норм нераспространения и прекращению своей ОЯД, чем авторитарные режимы или государства, находящиеся в процессе автократизации. При этом под демократизацией и автократизацией понимается изменение формы государственного правления в соответствующую сторону. В этой связи мы сравнили формы государственного правления в момент начала ОЯД и в момент ее прекращения. Для государств, продолжающих оружейную ядерную деятельность, мы приняли оценку формы правления по состоянию на 2004 г.

Таблица 6. Изменение формы правления и ОЯД (исключены Беларусь, Украина и Казахстан)

Государство	Политическая система на момент начала ОЯД	Политическая система на момент прекращения/продолжения ОЯД
США	Демократия	Демократия
Великобритания	Демократия	Демократия
Индия	Демократия	Демократия
Израиль	Демократия	Демократия
Франция	Демократия	Автократизация
Пакистан	Полудемократия	Автократизация
Северная Корея	Автократия	Автократизация
Иран	Автократия	Демократизация
Китай	Автократия	Демократизация
СССР/Россия	Автократия	Демократизация
Сирия	Автократия	Демократизация
Канада	Демократия	Демократия
Норвегия	Демократия	Демократия
Швеция	Демократия	Демократия
Австралия	Демократия	Демократия
Германия	Демократия	Демократия
Италия	Демократия	Демократия
Швейцария	Демократия	Демократия
Япония	Демократия	Демократия
Бразилия	Полудемократия	Демократизация
Чили	Полудемократия	Демократизация
Южная Корея	Полудемократия	Демократизация
Южная Африка	Полудемократия	Демократизация
Аргентина	Автократия	Демократизация
Югославия	Автократия	Демократизация
Тайвань	Автократия	Демократизация
Египет	Автократия	Демократизация
Нигерия	Автократия	Демократизация
Испания	Автократия	Демократизация

Таблица 6. Продолжение

Государство	Политическая система на момент начала ОЯД	Политическая система на момент прекращения/ продолжения ОЯД
Румыния	Автократия	Демократизация
Алжир	Автократия	Демократизация
Индонезия	Автократия	Автократизация
Ирак	Автократия	Автократизация
Ливия	Автократия	Автократия

Определение типа режима по шкале формы государственного правления:

-10-0: автократия

1-6: полудемократия

7-10: демократия

По результатам, представленным в табл. 6, вырисовывается двойственная картина. С одной стороны, как демократические страны, ведущие ОЯД, но еще не добившиеся значительного прогресса, так и страны в процессе демократизации продемонстрировали чувствительность к нормативной среде. Кроме того, страны, которые перешли от авторитаризма к более демократическим формам правления, показали более явную склонность к соблюдению существующих норм и отказу от ОЯД, чем при старом режиме. С другой стороны, демократические страны, которые запустили свою ОЯД задолго до принятия норм нераспространения, не собирались отказываться от своих существующих ядерных наработок, несмотря на давление международных норм и преобладающего международного мнения. Мы полагаем, что такая ситуация может объясняться инерционностью процесса. В случаях, когда оружейная ядерная деятельность уже приобрела значительный бюрократический и политический импульс, обратить процесс вспять может оказаться нелегко, даже если никакой физической инфраструктуры ядерного оружия еще не создано. Еще тяжелее это сделать в ситуациях, когда полноценный ядерный арсенал уже стал неотъемлемой частью национальной оборонной доктрины, а сам статус ядерной державы стал частью национальной идентичности¹¹.

С целью проверки данного предположения мы сравнили длительность ведения ОЯД в демократических странах на момент вступления в силу ДНЯО. Наш тезис заключался в следующем: в тех демократических странах, которые до сих пор ведут ОЯД, оружейные ядерные программы на тот момент находились уже на довольно продвинутых стадиях по сравнению с государствами, которые прекратили свою ОЯД со вступлением в силу соответствующих международных норм.

Как видно из табл. 7, этот тезис подтвердился. Государства, которые на момент вступления в силу ДНЯО вели ОЯД в течение 15 лет и менее, относительно быстро отказались от этой деятельности. Средняя длительность ОЯД для таких государств составила 10,6 лет. Те же страны, которые вели ОЯД в течение 16 лет и более на момент вступления в силу ДНЯО, не отказались от своих ядерных программ. В этой группе средняя длительность на момент вступления в силу ДНЯО составила 23,6 лет. На основании таких результатов можно предположить, что вероятность отказа от оружейной ядерной деятельности падает по мере увеличения длительности ОЯД, которое сопровождается нарастающей институционализацией и бюрократизацией процесса.

Таким образом, демократическая форма правления не является абсолютной панацеей от ядерных искушений. Причины этого вполне могут крыться в определенных противоречиях между обладанием ядерным оружием и основными либеральными ценностями, которые характерны для демократии. С одной стороны, катастрофические последствия применения ядерного оружия явно не соответствуют таким фундаментальным демократическим ценностям, как человеческое достоинство и право

на жизнь. С другой стороны, резкое неприятие войны среди населения многих демократических стран может стимулировать усилия по приобретению ядерного оружия в качестве средства предотвращения любых войн. В контексте французского подхода к ядерному оружию такая концепция была обозначена как *ядерный пацифизм*¹².

Таблица 7. Начало ОЯД в демократических странах до вступления в силу ДНЯО (1970 г.)^a

Государство	Начало ОЯД (год)	Длительность ОЯД на (момент вступления в ДНЯО)
США	1939	31 год (1970 г.)
Великобритания	1939	31 год (1970 г.)
Франция	1954	16 лет (1970 г.)
Индия	1948	22 года (1970 г.)
Израиль	1952	18 лет (1970 г.)
Австралия	1956	14 лет (1970/конец в 1973 г.)
Германия	1957	13 лет (1970 г.)
Италия	1957	13 лет (1970 г.)
Швейцария	1958	12 лет (1970/конец в 1977 г.)
Япония	1958	1 год (1970 г.)

^a Мы исключили из списка Канаду, Норвегию и Швецию, поскольку они отказались от ОЯД до 1970 г.

Еще одним примером является Индия, которая начала ОЯД сразу после обретения независимости. В то время как глубоко укоренившаяся индийская бюрократия выступала за приобретение ядерного оружия, политическое руководство страны под влиянием морального наследия Ганди сравнительно долгое время выступало за разоружение, особенно в контексте отношений с Пакистаном и Китаем. Что заставило Индию в 1998 г. перейти от простого обладания технологической возможностью для создания ядерного оружия к самому его созданию? Такие сторонники теории реализма, как Сумит Гангули, указывают на внешние угрозы безопасности¹³. Мы же полагаем, что у Индии были более важные причины для пересмотра своей политики безопасности. *Во-первых*, ядерные державы не выказывали особого стремления разоружаться. Вместо этого в 1995 г. ДНЯО был сделан бессрочным; при этом на горизонте обозначилось заключение Договора о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний (ДВЗЯИ), закрывая существовавшее окно возможностей для проведения испытаний и закрепляя режим *ядерного апартеида* на неопределенный срок¹⁴. *Во-вторых*, пришедшая к власти коалиция под руководством *Бхаратия джаната парти* (Индийской народной партии) пришла к выводу о том, что обладание ядерным оружием является ключевым условием международного признания в качестве «глобального игрока» и обретения статуса «одного из полюсов многополюсного мира»¹⁵.

При благоприятных исторических условиях, когда глубоко укоренившаяся ядерная бюрократия еще не сформировалась, а обладание ядерным оружием не стало частью национальной идентичности или идеологии, демократическая форма правления, возможно, является фактором противодействия ядерным амбициям. Она способствует формированию антигуманного имиджа ядерного оружия и большему уважению к международным нормам в области нераспространения. В этой связи важным психологическим фактором стала нацеленность ДНЯО на полную ликвидацию ядерного оружия, что отражено и в преамбуле договора, и в Статье VI. Как только международная норма, вводящая запрет на распространение, оказалась оформлена в виде, находящем широкое понимание со стороны общественности, в работу включились демократические механизмы, подталкивающие руководство демокра-

тических стран к соблюдению данной нормы¹⁶. Этот феномен объясняется тем, что после вступления в силу ДНЯО оружейная ядерная деятельность не была запущена ни в одном демократическом государстве, как показывает табл. 8.

Таблица 8. Политическая система и начало ОЯД после вступления в силу ДНЯО

Государство	Политическая система на момент начала ОЯД
Южная Африка	Полудемократия
Нигерия	Автократия
Иран	Автократия
Ирак	Автократия
Испания	Автократия
Северная Корея	Автократия
Румыния	Автократия
Алжир	Автократия
Ливия	Автократия
Сирия	Автократия

Все государства, перечисленные в табл. 8, за исключением Ирана и Северной Кореи, рано или поздно отказались от ОЯД (хотя Сирия это сделала через два года после окончания анализируемого нами периода, то есть в 2007 г.). Кроме того, подавляющее большинство этих стран прошли через период демократизации. Эти результаты подтверждают предположение о том, что демократические страны более чувствительны к международной нормативной среде и что демократизация способствует соблюдению международных норм (в данном случае это означает отказ от оружейной ядерной деятельности). Иран и Северная Корея отвечают всем критериям *государств-изгоев*; такой статус, по мнению Ричарда Беттса, является одним из побудительных мотивов к приобретению ядерного оружия. Изолированность этих стран от международного сообщества заставляет их еще более остро ощущать экзистенциальные угрозы своей безопасности; при этом такой статус снижает их чувствительность к нормам, установленным и поддерживаемым международным сообществом. Наконец, изолированные авторитарные режимы склонны к параноидальным страхам, которые еще сильнее их подталкивают к попыткам приобрести ядерное оружие¹⁷.

Можно, однако, предположить, что на решение о продолжении или прекращении ОЯД влияет не сам по себе процесс демократизации. Возможно, отказ от ОЯД связан не с демократизацией, а экономической либерализацией.

Гипотеза либерализации

Для оценки гипотезы либерализации, которую предложила Этель Солинген, мы сравнили среднюю степень либерализации государств, которые остановили ОЯД после вступления в силу ДНЯО, с положением дел в странах, которые продолжили свои ядерные программы (см. табл. 9). В качестве приблизительного показателя степени либерализации мы использовали долю внешней торговли в ВВП государства. Источником данных был отчет *World Development Indicators* Всемирного Банка за 2007 г. К интерпретации этих результатов следует подходить с осторожностью, поскольку по значительному числу стран надежные данные отсутствуют.

Несмотря на недостатки использованных исходных данных, вырисовывается следующая картина. Принимая во внимание небольшие различия в средних показателях доли торговли в ВВП государств и среднее отклонение, наши данные идут в разрез с политэкономическими гипотезами.

Как показывает табл. 10, доля внешней торговли в ВВП выросла за исследуемый период для всех обладающих ядерным оружием государств. Тем не менее, все они продолжили свои оружейные ядерные программы. Более того, некоторые государства (например, Индия и Пакистан) даже ускорили темп этих программ в 1990-х гг. Ни одно из ядерных государств, подписавших ДНЯО, не отказалось от своих оружейных ядерных программ, хотя все они взяли на себя соответствующее обязательство в соответствии со Статьей VI ДНЯО, и все они становятся все более экономически либеральными.

Таблица 9. Средняя степень либерализации и ОЯД после вступления в силу ДНЯО

Государства	Количество государств	Минимальная доля торговли в ВВП (%)	Максимальная доля торговли в ВВП (%)	Средняя доля торговли в ВВП (%)	Среднеквадратическое отклонение
Отказавшиеся от ОЯД после ДНЯО ^а	13	20	86	50,77	23,31
Продолжившие ОЯД после ДНЯО ^б	10	25	97	54,10	20,27

^а Нет данных по Тайваню, Югославии, Ираку, Румынии, Беларуси, Украине и Казахстану

^б Нет данных по Северной Корее

Таблица 10. Доля внешней торговли в ВВП для ядерных государств в 1970 и 2004 гг.

Государство	Доля торговли в ВВП, 1970 г. (%)	Доля торговли в ВВП, 2004 г. (%)
США	11	25
Великобритания	44	54
Франция	31	51
Китай	5	65
Россия	43 (нет данных до 1989 г.)	57
Израиль	79	97
Индия	8	40
Пакистан	22	31

Как и в случае с *гипотезой альянсов*, мы не считаем, что полученные нами результаты прямо опровергают выдвинутую Солинген гипотезу. Тем не менее, они демонстрируют необходимость тщательного рассмотрения соответствующих примеров. В одних случаях либерализация может быть следствием демократизации. В других случаях инерционный эффект далекой зашедшей ядерной программы и укоренившейся ядерной бюрократии может являться непреодолимым препятствием для ядерного разворота. В третьих оценка ситуации с безопасностью может быть слишком пессимистичной, чтобы прекращать ОЯД. В любом случае нормативная среда играет очень важную роль в принятии решений о продолжении либо прекращении оружейной ядерной деятельности. Инерционный эффект срабатывает только в том случае, если инерция была набрана еще до того, как вступил в силу международный запрет на ядерное распространение.

ВЫВОДЫ

Распространение ядерного оружия не является естественным, исторически неизбежным, непреодолимым и необратимым явлением. Значительное количество стран в свое время начали оружейную ядерную деятельность в основном на пике холодной войны. Большинство этих стран прекратили такую деятельность после принятия в виде ДНЯО международного запрета на ядерное распространение. В основном прекращение ОЯД происходило уже после того, как ядерные супердержавы приступили к сокращениям своих ядерных арсеналов.

Мы не обнаружили никаких подтверждений тому, что к созданию ядерного оружия государства подталкивает само наличие у них соответствующего экономического и технологического потенциала. Достижение государствами порогового уровня технологического потенциала в виде обладания исследовательскими реакторами не создает непреодолимого искушения начать работу над оружейной программой.

Более того, некоторые страны прекращали такие программы уже после того, как далеко продвинулись по пути к созданию необходимых технологий. В этом смысле ход технологического прогресса вполне можно обратить вспять¹⁸.

Союзнические отношения с ядерной супердержавой не являются необходимым для безъядерных государств условием для отказа от оружейной ядерной деятельности. При этом неприсоединившийся статус не является достаточным условием для попыток приобрести ядерное оружие. Распространение ядерного оружия не стимулируется шагами ядерных держав в сторону разоружения. Наиболее сильное влияние на поведение государств в плане ядерной деятельности оказывает формирование соответствующей международной законодательной среды и государственная политическая система в сочетании с этой средой.

Чем это объясняется? Существует несколько механизмов влияния международных норм на государственную политику¹⁹. С утилитарной точки зрения нормы ведут к формированию нового баланса рисков и выгод: вступление в силу ДНЯО изменило ожидания государств в плане выгод ядерного оружия и цены, которую придется заплатить за ядерный статус. Во-вторых, международные нормы создают новый эталон, который влияет на внутривнутриполитический баланс между сторонниками и противниками ядерного оружия среди элиты и внутри правительства. На этот механизм указал Уолш в своем исследовании примера Австралии²⁰. В-третьих — и это, возможно, самый важный механизм — международные нормы меняют общепринятые установки поведения государств. В 1950-е и начале 1960-х гг. ни у кого не вызывало сомнений, что ядерное оружие будет появляться у все большего количества государств. Распространение ядерного оружия еще не вызывало всеобщего осуждения. Канцлер ФРГ Аденауэр и японский премьер-министр Сато считали вполне естественным, что со временем, после того, как рассеется тень темного прошлого этих двух стран, обе они станут обладательницами ядерного оружия. Австралийские военные даже утверждали, что стране не будут воспринимать всерьез в оборонном альянсе, если у нее не будет ядерного оружия²¹.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ДМИТРИЙ ВСТАФЬЕВ: Можно выделить следующие факторы, стимулирующие процессы распространения ядерного оружия:

- несоответствие фактической мощи государства и его роли в соответствующем регионе. В этом случае обладание ядерным оружием выглядит как стремление обрести престиж, но на деле является стремлением обеспечить военно-технические условия для формирования собственной *квази-сферы влияния*;
- ощущение стратегической уязвимости перед более мощными соседями и стремление в кратчайшие сроки получить некое *сверхоружие*, которое если и не будет способствовать достижению *наступательных* целей, то как минимум гарантирует страну от полного поражения;
- стремление регионального *центра силы* обеспечить свою гегемонию путем подавления возможностей других стран региона эффективно использовать союзнические связи с внерегиональными силами.

Ядерный Контроль. 1995. №10. С. 8.

Вступление в силу ДНЯО изменило общепринятые установки того, как должны вести себя государства. С тех пор приобретение ядерного оружия перестало восприниматься как *нормальное поведение*. За относительно короткое время эта установка настолько глубоко вошла в политическое мышление, что даже значительные изменения в ситуации с внешней безопасностью некоторых государств не вели к автоматическому пересмотру их безъядерного статуса. Как отметили в своей концепции *исключенных вариантов* Бахрак и Баратц, возобновление ядерной деятельности больше не является одним из реально рассматриваемых правительствами вариантов; этот вопрос просто снят с повестки дня в силу существования вполне разумной и глубоко укоренившейся международной нормы²².

Для демократических стран характерна более высокая вероятность соблюдения международного законодательства и заботы о своей международной репутации²³. При этом государства, находящиеся в процессе демократизации, чувствуют особую необходимость демонстрировать свою приверженность международным нормам. В этой связи молодые демократические страны часто спешат доказать такую приверженность нормам путем широко рекламируемых решений об отказе от оружейной ядерной деятельности. Эта тенденция на первый взгляд плохо согласуется с тем фактом, что из всех политических систем именно для молодых демократий наиболее высока вероятность участия в войнах²⁴. Однако противоречие это, возможно, только кажущееся.

Присоединение к ДНЯО — это способ укрепить свою международную репутацию и заручиться поддержкой зрелых демократических стран; молодые демократические государства к этому стремятся и по нормативным, и по утилитарным причинам.

Приверженность международным нормам часто наблюдается и среди недемократических стран. Такое положение дел не является удивительным: соблюдение международного законодательства и установившихся норм поведения является нормальной практикой в международном сообществе. Однако для некоторых недемократических стран существует более высокая вероятность оказаться в числе меньшинства, которое отклоняется от общепринятых норм. В частности, склонность к открытому или тайному нарушению своих обязательств проявляют тоталитарные государства, чье руководство выказывает параноидальные тенденции или стремление к укреплению своей власти любой ценой. Такую оценку подтверждает и тот факт, что все страны, начавшие оружейную ядерную деятельность уже после вступления в силу ДНЯО (причем в некоторых случаях даже без выхода из договора) были и остаются недемократическими.

Международных норм в области нераспространения оказалось недостаточно для прекращения ОЯД в тех демократических государствах, где к моменту вступления в силу ДНЯО ядерное оружие уже стало частью национальной идентичности, и где глубоко укоренилась ядерная бюрократия, в чьих интересах было сохранение *статус-кво*. Некоторые из этих стран оказались (хотя и временно) в рамках международных норм, поскольку их (промежуточный) ядерный статус был официально закреплен в ДНЯО. Такой результат должен стать стимулом новых исследований на тему того, как именно внутривнутриполитическая ситуация (институциональные ограничения влияния ядерной бюрократии и *характер* национальной дискуссии на тему безопасности) может способствовать или, наоборот, препятствовать отказу от ядерного оружия и разоружению. Исследования таких *парадоксов демократического мира* помогут нам более ясно понять фундаментальную неопределенность отношения либерально-демократической идеологии к политике безопасности в общем и к ядерной политике в частности. Направление политики безопасности демократических стран, по-видимому, сильно зависит от многих индивидуальных и уникальных факторов восприятия, в том числе от национальной идентичности, представления о своей роли в международном сообществе, политической культуры, а также особенностей национального конституционного и бюрократического устройства²⁵.

В политическом смысле можно сделать вывод о ключевой роли ДНЯО. Недооценка значения этого договора²⁶ может вылиться в глубоко ошибочные и потенциально катастрофические политические решения. Если существующая международная

норма, запрещающая распространение, будет ослаблена постоянным ее несоблюдением странами — участницами договора или невыполнением ядерными государствами своих обязательств в сфере разоружения, то ее хорошо доказанная эффективность будет подорвана²⁷. Учитывая, что все остальные переменные оказывают далеко не самое весомое влияние на принятие решений в области распространения, было бы вполне логично предположить, что отсутствие такой нормы может привести к очень резкому ухудшению ситуации с ядерным распространением. 🐘

Примечания

¹ Мюллер Харальд, Шмидт Андреас. Малоизвестная история ядерного разворота: почему государства отказываются от военных ядерных программ. Статья первая из серии двух статей. Индекс Безопасности. 2011. № 1 (100), Весна 2012. С. 71–90. Перевод осуществлен с разрешения Stanford University Press по изданию Muller Harald, Shmidt Andreas. The Little-Known Story of Deproliferation. Why States Give Up Nuclear Weapons Activities. In: Potter William C., Mukhatzhanova Gaukhar, eds. Forecasting Nuclear Proliferation. The Role of Theory. Vol. 1. Stanford, CA: Stanford University Press, 2010. Pp. 124–158. Перевод © ПИР-Центр, 2012.

² Lapp Ralph E. Arms Beyond Doubt: The Tyranny of Weapons Technology. New York: Cowles Book, 1970; and Schroer Dietrich. Science, Technology, and the Nuclear Arms Race. New York: Wiley, 1984.

³ Поэтому мы ссылались на экономические данные Ангус Маддисон, которые доступны на www.ggd.net/maddison

⁴ База данных «Total Economy Database» была учреждена Комиссией Конференции и Центром Groningen Growth and Development Centre и доступна на www.conference-board.org/economics

⁵ Полную информацию о государствах с ядерными исследовательскими реакторами, достигшими критического порога, можно найти на сайте МАГАТЭ, <http://www.iaea.org/worldatom/rpdb/>.

⁶ Нигерия начала и даже остановила ОЯД, прежде чем был приобретен первый ядерный реактор в 2004 г.

⁷ Reiss Mitchell B. Prospects for Proliferation in Asia // Tellis and Michael Wills Ashley J., eds. Strategic Asia 2005/06: Military Modernization in an Era of Uncertainty. Washington, DC: National Bureau of Asian Research, 2005. Pp. 336.

⁸ Schoettle Enid C. D. Postures for Non-Proliferation: Arms Limitations and Security Policies to Minimize Nuclear Proliferation. London: Taylor and Francis, 1979.

⁹ Чтобы определить мировой политический климат, мы разработали трехступенчатый поэтапный подход к двусторонним отношениям двух великих ядерных держав (Соединенные Штаты и СССР/Россия). В рамках «холодной войны» мы различаем «холодную войну и разрядку» и «разрядку». В отсутствие надежных данных о мировом политическом климате мы прибегли к качественной интерпретации главных событий, касающихся российско-американских отношений. Мы сделали это для каждого пятилетнего периода с 1946 по 2005 г. Мы опирались на данные «Archiv der Gegenwart» («Современного Архива»), хроники, которая охватывает мировые политические события — такие как важные заявления политических лидеров или подписание международных договоров — для каждого года.

¹⁰ См. например Muller Harald, Fischer David, and Kotter Wolfgang. Nuclear Non-Proliferation and Global Order. Oxford, UK: Oxford University Press, 1994; and Walsh James. Bombs Unbuilt.

¹¹ Wisotzki Simone. Die Nuklearwaffenpolitik Grofibritanniens und Frankreichs. Eine konstruktivistische Analyse. Frankfurt am Main: Campus, 2002. Pp. 411–430.

¹² Ibid., pp. 333–359. Недавние исследования последствий распространения раскрывают неоднозначные результаты, касающиеся склонности государств инициировать или реагировать на конфликт. В то время, когда некоторые утверждают, что обладание ядерным оружием не имеет влияния на склонность к конфликту, другие отмечают высокую склонность к конфликту полноценных ядерных государств. Дальнейшие результаты указывают на возросшую вероятность межгосударственных военных конфликтов между государствами, обладающими равными ядерными арсеналами. See Gartzke Erik and Dong-Joon Jo. Bargaining, Nuclear Proliferation, and Interstate Disputes. *Journal of Conflict Resolution*. 2009, April. 53 no. 2. Pp. 209–233; Horowitz Michael. The Spread of Nuclear Weapons and International Conflict: Does

Experience Matter? *Journal of Conflict Resolution*. 2009, April. 53, no. 2. Pp. 234–257; Rauchhaus Robert. Evaluating the Nuclear Peace Hypothesis. *Journal of Conflict Resolution*. 2009, April. 53, no. 2. Pp. 258–277. В другом исследовании утверждается, что даже полномасштабная война между двумя демократическими государствами, обладающими ядерным оружием, возможна. См. Montgomery Alexander H. and Sagan Scott. *The Perils of Predicting Proliferation...* P. 321.

¹³ Sumit Ganguly. India's Pathway to Pokhran II. The Prospects and Sources of New Delhi's Nuclear Weapons Program. *International Security*. 1999, Spring, 23, no. 4. Pp. 148–177.

¹⁴ Смотри Singh Jaswant. Against Nuclear Apartheid. *Foreign Affairs*. 1998, September/October. 77, no. 5. Pp. 41–52, и Perkovich George. *India's Nuclear Bomb*. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 3.

¹⁵ См. например Subrahmanyam K. Nuclear India in Global Politics. *World Affairs*. 1998, July-September. 2, no. 3. Pp. 12–40; and Chakravarthi Rekha. Internal Roadblocks to the Indo-US Nuclear Deal // Chari P.R. ed. *Indo-US Nuclear Deal: Seeking Synergy in Bilateralism*. New Delhi: Routledge, 2009. Pp. 60–75.

¹⁶ Lipson Charles. *Reliable Partners: How Democracies Have Made a Separate Peace*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.

¹⁷ Betts Richard K. Paranoias, Pygmies, Pariahs and Nonproliferation... Аргумент о «изгоях» как о важный фактор, который стимулирует к распространению, был также использован в Meyer Stephen M. *The Dynamics of Nuclear Proliferation...*

¹⁸ MacKenzie Donald. *Inventing Accuracy: A Historical Sociology of Nuclear Missile Guidance*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.

¹⁹ В отличие от Уолша, мы рассматриваем влияние нормы полностью, что объединяет понятия «нормы» Уолша, «международного права» и «режима». Мы рассматриваем ключевой механизм — формирование внутренней структуры власти, которая влияет на баланс между проядерными и антиядерными коалициями — очень подробно, как делает Уолш.

²⁰ Walsh Jim. *Surprise Down Under: the Secret History of Australia's Nuclear Ambitions*. *The Nonproliferation Review*. 1997. № 5. Pp. 1–20; Walsh Jim. *Bombs Unbuilt: Power, Ideas and Institutions in International Politics*. Massachusetts Institute of Technology, Dept. of Political Science, 2001.

²¹ Walsh James. *Bombs Unbuilt*.

²² Bachrach Peter and Baratz Morton S. Decisions and Nondtcisions: An Analytical Framework. *The American Political Science Review*. 1963, September. 57, no. 3. Pp. 632–642; Bachrach Peter and Baratz Morton S. *Power and Poverty: Theory and Practice*. London: Oxford University Press, 1970; and Peter Bachrach and Morton Baratz. *Power and Its Two Faces Revisited: A Reply to Geoffrey Debnam*. *The American Political Science Review*. 1975, September. 69, no. 3. Pp. 900–904.

²³ Lipson Charles. *Reliable Partners...*; Muller Harald. The Internalization of Principles, Norms, and Rules by Governments: The Case of Security Regimes. In: Rittberger Volker, ed. *Regime Theory and International Relations*. Oxford, UK: Clarendon Press, 1993. Pp. 361–388; and Russett Bruce and Oneal John R. *Triangulating Peace: Democracy, Interdependence, and International Organization*. New York: W.W. Norton, 2001.

²⁴ Mansfield Edward D. and Snyder Jack. *Electing to Fight: Why Emerging Democracies go to War*. Cambridge, MA: MIT Press, 2005.

²⁵ Muller Harald. The Antinomy of Democratic Peace. *International Politics*. 2004, December. 41, no. 4. Pp. 494–520; Muller Harald and Wolff Jonas. Democratic Peace: Many Data, Little Explanation? In: Geis Anna, Brock Lothar, and Muller Harald, eds. *Democratic Wars. Looking at the Dark Side of Democratic Peace*. Houndmills, UK: Palgrave Macmillan, 2006. Pp. 41–73; and Becker Una, Muller Harald, and Wisotzki Simone. Democracy and Nuclear Arms Control: Destiny or Ambiguity? *Security Studies*. 2008, October. 17, no. 4. Pp. 810–854.

²⁶ Например Jo Dong-Joon and Gartzke Erik. Determinants of Nuclear Weapons Proliferation...; and Reiss Mitchell. Prospects for Proliferation in Asia... P. 337.

²⁷ Walker William. *Weapons of Mass Destruction and International Order*. Adelphi Papers no. 171. London: International Institute for Strategic Studies, 2004.